

Гастроли Мюнхенского
драматического театраАртур Миллер
обвиняет

Нацистская Германия лежала в развалинах.

Вернулись с войны усталые. А в полдень банки считали долгами те, кто организовал бкий второй мировой войны. Шелестели банкноты, звенело золото: за узкими дбами рождались мечты о новых потоках крови, из которой немцы бы козыри прибыли. Импералистическая Америка упиалась победой над германским районом и мечтала об управлении миром. Ветер разнес первые осадки радиоактивной пыли. В газетных заголовках складывалась первая формула «холодной войны». Проткнул штыками злобный спрут сенатора Маккарти — «комиссия по расследованию антиамериканской деятельности».

Голос правды, раздавшийся на миру помешанных на новой мировой войне, был равен взрыву бомбы.

И, пожалуй, единственный раз оказалась права жесткая пресса Херста, писавшая об безвестности поэта драматурга Артура Миллера, что его произведения — «бomba замедленного действия, искусно подожженная под здание американизма». Буржуазный критик не превеличайвал. Первая драма неизвестного журналиста «Все мои сыновья с беспощадностью истины рассказывали о капиталистах, наживавшихся на смерти американских солдат».

Пьеса обошла все театры мира. Не меньшим успехом пользовались и последующие произведения Миллера — «Смерть комманданто», «Сейский процесс», «Вид с моста». И всякий раз этот заслуженный успех определялся честностью пера автора, поднимавшего порой до социальной критики капитализма.

В предисловии к американскому изданию последнего своего произведения Миллер, провозглашая актуальную социальную драму макулатуре, новоязнейшей современной буржуазной театр, писал, что социальная драма должна дать ответ на вопрос: как нам жить? По его мнению, драматургия призвана помочь тому, чтоб люди «освободились от отвращения к жизни, к себе и к богу»; трудилось всего несколько часов в день, а продолжительность их жизни достигла бы восьмидесяти, девяносто, а может быть, и ста лет.

Эта нетерпимость к тусклой и нищей жизни, желание увидеть больше радости в жизни, выразившись уже в теме его драмы «Вид с моста», с которой убийцы познакомились в талантливой постановке Московского драматического театра (режиссер А. Гончаров). На мрачном фоне обездоленного существования итальянских эмигрантов, вывезенных в Соединенные Штаты незаконно, без оформления необходимых документов и попавших в лапы капиталистических подражников, эксплуатирующих их труд и страх, раскрывается трагедия любви и ревности, дружбы и предательства.

В чьем призыве, Когда зеленое дышанье оклева Бьет в наши окна, Волны в атой бухте Пожуха на волну у Сиракуз: И, словно высеченное из камня Мне видится лицо С глазами, что похожи

К атому портрету нечего добавит. Разве лишь расшифровать, риска потерять то тревожное настроение, которое навевает мерные стихи Артура Миллера.

«И я знаю, он имел двоих детей И в атой жизни жалкой, одинокой Старался быть хорошим мужем. Работал, ежил была работа, А заботок приносила домох. Так он и жил».

Так он и жил, портной грузчик Эдди Карбоне — потомок сиракузских купцов, ныне обитатель трущоб Ред Хук, как на ладони видного с Нью-Йоркского Бруклинского моста. Его трагическую историю рассказывает нам адвокат

Альфери, играющий в миллеровской драме ту же роль, что выполнял в античной трагедии хор. Комментируя напряженное действие произведения, Альфери в воплощении заслуженного артиста РСФСР И. Кустреля сдержанно с философской бесстрастностью выявляет социальную сущность аморального поступка Карбоне... Есть актеры, которые создают такой убедительный образ, что после встречи с ними не можешь образовать себе иного толкования роли: настолько сильно обаяние их. Такой артист Московского драматического театра Семен Соколовский — актер пламенного темперамента, скульптурной выразительности, огромной силы чувства и мысли. В спектакле он постоянно держит в напряжении внимание

зрителя не только по причине того, что в конфликте драмы Миллера доктор Эдди приваляет решительной партии, но и в силу своего сжигающего жесткого юморизма, всякий скепсис и разглагольствование талантливо.

Талант любви, изумительная чуткость к страданиям человека дышали кистью мастера, когда он создавал трагическую величественный портрет своего героя. На первый взгляд, такое утверждение может показаться парадоксальным. Эдди нарушил элементарные нормы человеческой морали, совершил тяжчайшее преступление против дружбы и жизни, предав а руки властей нищих эмигрантов, доверившихся ему. Но не будем спешить с выводами. Вот он сам через наши, Вискоки, с чуждыми чертами лица, человека с внешностью и темпераментом трюмана. «Он в Риме был бы Брут, в Афинах — Периклеса, а в трущобах под Бруклинским мостом, за холодными улыбающей неона Эдди-Соколовский — индий доктор, отдавший всю силу души и незаурядного сердца своей позорной страсти. В образе Эдди, солдата Соколовский, как и ослепкое солнце, отразилась судьба простого народа Америки, ажитого в тисках нищеты и безработицы, влеченного гангстерскими фильмами. И трагедия героя драмы Миллера предстала трагедией рядового американца, не знающего, куда и как затратить уязвляющую в чудовищном болоте душевную энергию.

Партнером С. Соколовского трудно соперничать с фейерверком красок, используемых актером.

Впрочем, о соперничестве здесь речь может идти лишь отвлеченно. Драматург Артур Миллер, как и многим талантливым писателям, Эдди, свободно и естественно расщепленности людей. Режиссер и коллектив исполнителей театра, не теряя чувства сценического ансамбля, с лезвием души четко и ясно выписывают тем одиночества в мире, где нет справедливости. В конце концов Битрикс (артистка Н. Анискина) нечетко только о своей семье и детях. Катрин (заслуженная артистка РСФСР Л. Богданова) отдалась с искренностью расщепленного сердца своему первому чувству; далеко за океаном, где оставлены семья и дети, мысли Марко (заслуженный артист Таджикской ССР А. Ширшов), одинокий мыслитель и писатель Розольдо (артист А. Песеев). И только поведением своей безысходностью трагедия объединяет их против предательства, вопиющего и Эдди, пробуждая в этих людях, наделенных высокой моралью и чистотой, чувство классовой солидарности. Единство оплошности — своеобразная диалектика Миллера.

О Марко хочется сказать словами самого автора:

«Глаза истца вдруг кажутся глазами древней статуи. Его голос доносится, словно сквозь руины».

Нет, простота — не единственное достоинство Марко в исполнении А. Ширшова. О ней не стоит говорить, провозвещая простоту. Напротив, порой отчетливо видно, как за ступенчатой сгиной старого итальянца проглядывают страдания — призраки нищеты, в которой бьются, не находя исхода, молчаливый тузюк Марко. Он открылся до самоотдачи и горд, но великий сын моря и теплого, теплого, как само терпение. Только ради обездоленных детей, ради праправной справедливости он, не сомневаясь ни мгновения, берет на себя тяжкий долг возмездия.

Затерялся среди небоскребов чужого города восторженный романтик Розольдо. Но романтичность романтичности — рознь. Мечты Розольдо — это полет летучей мыши, плывущей с обрезами крыльями, мотылька в бинке. Послушайте же он говорит:

«Я Хочу пожить в Америке. А потом вернусь в мою родину».

Когда разоблачено, и куплю мотоцикл, «Улыбается» — помечает автор в своей ремарке после этих слов. Розольдо искренен в своих жалких надеждах. Но этот мальчишка с песней на устах, юнша, болтающий о мотоциклах и джазовых песнях, слишком рано узнал оборотную сторону, скрывающуюся за фасадом свободного мира. И когда явится научный вред, как образно говорит Миллер, когда связи этого мира представят в своем обманном виде, этот мальчик заговорит иным языком — языком отчаяния.

Катрин — воспитанница Эдди, взвешивая корыстными намерениями, последнего о том, что Розольдо имеет ее руки ради того, чтоб приобрести американское гражданство и избавиться от своей нищей Италии, спрашивает Розольдо:

— Ты бы женился на мне, если бы нам пришлось уехать в Италию?

Артур Миллер в ответе юности ограничивается коротким: нет. Но социальное чувство у актера (и у режиссера) развито отлично: он логически развивает намерения автора в страшном крике, выражающем ужас перед будущим, отвергает такие позоры.

«Ничего! там нет ничего! ничего... Я украл бы твою красоту.

Два года — и ты голодная старуха.

Когда дети плачут от голода, им дают воду.

Оглу только воду!»

И этих людей, гонимых нуждой, следа позорной тропой своей страсти, презлет Эдди Карбоне. Нет ему ни оправданий, ни пощадки. Артур Миллер клеймит своего героя позорным именем доносчика.

Острая критика современной ему американской действительности, заложенная в произведении Миллера, родилась не как художественная проблема, а как политический акт, как ответ честного писателя на вопрос, глубоко волнующий передовых людей США. Этот вопрос является отношением к доносчику и системе доносцов, утвердившейся в стране вполне официально. И ответ Артура Миллера был беспощадным.

Пройдет немного времени, и писатель сам представит перед зрителем «американский по расследованию антиамериканской деятельности», потребовавший от него назвать имена тех, кто вместе с ним участвовал в сборниках прогрессивных организаций. Миллер не стал преградой. Писатель и гражданин, художественная правда и совесть человека были для него неразделимы.

С. САИТОВ.

НА СНИМКЕ: сцена из драмы А. Миллера «Вид с моста». На первом плане — артист С. Соколовский в роли Эдди.